

knigi-nauka/381008-4-vs-grigoreva-diskurs-kak-element-kommunikativnogo-processa-pragmalingvisticheskiy-kognitivniy-aspekti-izdatel.php. – Дата доступа : 09.09.2017.

5. Пример рекламного текста для сайта аутсорсинговой бухгалтерской компании [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://alz.ru/429-primer-reklamnogo-teksta-dlya-sajta-autsorsingovoj-bukhgalterskoj-kompanii>. – Дата доступа: 09.09.2017.

6. Trissler, S. Syntaktische Bedingungen für w-Merkmale: Zur Bildung interrogativer w-Phrasen im Deutschen / S. Trissler // Arbeitspapiere des Sonderforschungsberichts 340. Sprachtheoretische Grundlagen für die Computerlinguistik, Bericht Nr. 151. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/46160/pdf/diss_trissler.pdf;sequence=1. – Дата доступа : 07.09.2017.

Е. Ю. Хрисонопуло (Санкт-Петербург, Россия)

ВАРЬИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
С ФОРМАЛЬНЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ
И АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АРХЕТИПОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Одной из особенностей синтаксического строя английского языка является наличие конструкций с формальными подлежащими *it* ‘это’ и *there* ‘там’. Формальный статус подлежащих подобного рода связан с отсутствием у них референции и преимущественно структурной, а не семантической нагрузкой в предложении [1, с. 238–240]. В частности, формальное подлежащее *it* ‘это’ трактуется как основной член предложения, который в значительной степени отходит от прототипа, поскольку подлежащее такого рода «нереферентно и не соотносимо ни с каким концептом как информационно-содержательной единицей сознания» [1, с. 238]. Вместе с тем, как показано в исследовании Р. Лэнекера [2], английское безличное местоимение *it* ‘это’ при употреблении его в качестве формального подлежащего указывает на концептуальный архетип «абстрактная область», которая, по определению автора, представляет собой «диапазон мысленного охвата» в конкретном дискурсивном контексте [2, с. 206–208]. В целом концептуальный архетип в когнитивной грамматике Р. Лэнекера определяется как концептуальная структура, которая укоренена в субъективном опыте и включает различные виды опыта восприятия, эмоциональных переживаний и мышления [3, р. 24]. Среди базовых концептуальных архетипов, получивших выражение в английском языке, автор выделяет архетипы «участник» и «область», в том числе «абстрактную область» [3]. В отличие от области, обозначающей определенный участок пространства, включая мыслительное пространство в случае коммуникативной значимости абстрактной области, участник,

по мнению автора, указывает на дискретную динамическую сущность, в прототипе – на личностный субъект действия, который играет ключевую роль в структурировании обозначаемой в предложении ситуации.

В условиях естественного дискурса конструкции с формальным подлежащим нередко употребляются вариативно с конструкциями, имеющими знаменательное подлежащее. В результате при употреблении соответствующих высказываний происходит актуализация абстрактной области либо участника как двух разновидностей концептуальных архетипов. Например, в английском языке формальное подлежащее-область (О), выражаемое вводным местоимением *it* 'это', может соотноситься со знаменательным подлежащим-участником (У), обозначаемым местоимением 1-го лица, при выражении пропозициональной установки: *It is certain that – I am certain that* 'Это несомненно, что – Я уверен, что'; *It was as if – I felt as if* 'Это было словно – Я почувствовал словно'; *It is good that – I am glad that* 'Это хорошо, что – Я рад, что'. Приведенные пары примеров иллюстрируют вариативные способы выражения эпистемической, перцептивной и эмоциональной установки соответственно при использовании предложений с О- и У-подлежащими.

В настоящем исследовании ставится цель выявить факторы выбора предложений с одним из двух типов подлежащих и, соответственно, объяснить, чем обусловлена актуализация в высказывании абстрактной области либо участника как концептуальных архетипов. В связи с поставленной целью в работе решаются две задачи. Во-первых, на конкретном языковом материале выявляются те аспекты концептуального содержания, выражаемого в высказывании, которые обладают релевантностью при выборе О- или У-подлежащего. Во-вторых, определяется характер нарративных стратегий, которые реализуются при использовании одной из двух конструкций пропозициональной установки. Материалом для исследования послужили примеры, отобранные методом сплошной выборки, из трех произведений современной британской художественной литературы. Совокупный объем рассмотренного материала составил 350 примеров выражения пропозициональной установки, среди которых значительную часть составляют предложения с вводным подлежащим *it* 'это'.

Особенностью выражения эпистемической пропозициональной установки в тексте является, с одной стороны, относительно свободное варьирование предложений с О- и У-подлежащими, когда речь идет об убеждениях либо мнении говорящего: *It is my conviction / belief that – I am convinced / believe that* 'Это мое убеждение / мнение, что – Я убежден / полагаю, что'. Вместе с тем выражение знания либо сомнения возможно только при использовании У-подлежащего, а не вводного подлежащего *it* 'это', указывающего на абстрактную область: *I know / doubt that – *It is my knowledge / doubt that* 'Я знаю / сомневаюсь, что – *Это мое знание / сомнение, что'. Ограничение на использование формального подлежащего при выражении знания и сомнения свидетельствует о значимости фактора «тип реальности» как одной из характеристик активируемого концептуального архетипа. Если архетип

«участник» может связываться с содержанием, ассоциируемым как с фактической, так и с мысленно репрезентированной реальностью, то архетип «абстрактная область», выражаемый формальным подлежащим, указывает только на мысленно репрезентированную реальность и, соответственно, не допускает обозначения знания либо сомнения в предикативной позиции предложения. Человек может иметь знания либо сомнения по поводу фактического, а не мысленно создаваемого события либо положения дел.

С другой стороны, выбор О- или У-подлежащего обусловлен также различием между когнитивными операциями идентификации и референции, соответственно. При использовании формального подлежащего *it* 'это', связанного с актуализацией мыслительной области, происходит идентификация этой области в последующей части предложения: *It now seems absurd that neither of us anticipated the consequences of our discovery* '[Это] сейчас кажется абсурдным, что никто из нас не предвидел последствий нашего открытия'. Отрицательная трансформация конструкции пропозициональной установки в данном случае не отменит содержащееся в высказывании указание на идентификацию области: *It doesn't seem absurd that neither of us anticipated the consequences of our discovery* '[Это] сейчас не кажется абсурдным, что никто из нас не предвидел последствий нашего открытия'. Напротив, в предложениях с У-подлежащим коммуникативной значимостью наделяется операция референции, а не идентификации, в связи с чем ввод в конструкцию отрицания ведет к смене референта, т.е. указания на другого субъекта пропозициональной установки: *I think we got a response. – I don't think we got a response* 'Я думаю, [что] мы получили ответ – Я не думаю, [что] мы получили ответ'.

Третьим различием в осмыслении мыслительной области и участника является схематизация их взаимосвязей с другими элементами ситуации. Так, У-подлежащие активируют типичный фрейм события, в котором в определенном контексте может заполняться темпоральный слот: *But half an hour later I felt as though my mind was supporting a load the size of Mount Everest* 'Но час спустя я почувствовал, как будто бы моя мысль удерживала весь груз горы Эверест'. Напротив, использование конструкции с О-подлежащим *it* 'это' связано с активацией схемы внутреннего переживания, чем обусловлена высокая частотность употребления наречий типа *suddenly* 'внезапно' в соответствующих конструкциях пропозициональной установки: *It was suddenly as if we were in the middle of the noisiest crowd the world has ever known* '[Это] внезапно стало так, как будто мы оказались посреди самой шумной толпы, какая только и бывает в мире'.

Упомянутые дискурсивно значимые различия между областью и участником как двумя видами концептуальных архетипов непосредственно связаны с нарративными и диалогическими стратегиями, которые используются в художественных текстах для выражения пропозициональной установки в предложениях с различными типами подлежащих. В частности, актуализация мыслительной области в предложениях с формальным подлежащим *it* 'это' способствует установке фокуса внимания в мысленно

воссоздаваемом пространстве, обобщенной идентификации установки независимо от конкретного лица, акцентированию особенностей восприятия и интерпретации содержания, по отношению к которому формируется та или иная установка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобрина, Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие / Н. А. Кобрина, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. – М. : Высш. шк., 2007. – 368 с.
2. Langacker, R. W. On the subject of impersonals / R. W. Langacker // Cognitive linguistics: convergence and expansion / ed. by M. Brdar, S. Th. Gries, M. Ž. Fuchs. – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2011. – P. 179–217.
3. Langacker, R. W. Grammar and conceptualization / R.W. Langacker. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. – xiii, 427 p.

Е. Э. Шуранова (Минск, Беларусь)

ДИМЕНЗИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ В СЕМАНТИКЕ ВЕЩЕПРИЗНАКОВЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (на материале немецкого и русского языков)

Одно из свойств пространства, изучаемое в таких науках, как физика, геометрия и др., – трехмерность с измерениями «высота», «ширина», «длина». В языке находит отражение еще один вид трехмерности, определяемый по антропоморфному принципу с выделением осей в соответствии с организацией тела человека («сверху–снизу», «спереди–сзади», «слева–справа»). Антропоморфная трехмерность пространства, именуемая в лингвистике димензиональностью, репрезентирована в языке, в первую очередь, в семантике глаголов (*fallen–надать*, *steigen–подниматься*), прилагательных (*нижний–unterer*, *верхний–oberer*), наречий (*links–слева*, *rechts–справа*) и предлогов (*unter–под*, *über–над*, *vor–перед*), а также существительных, обозначающих соответствующие полюса (*der Oberteil–верх*, *der Unterteil–низ*) или именующих объекты, идентифицируемые на основании их расположения относительно этих полюсов (*die Spitz–вершина*, *der Boden–дно*) [1, S. 40-41].

Среди существительных существует особый класс имен, которые обозначают конкретные участки действительности, но не являются именами объектов, а конституируются другими объектами (например, *отверстие–das Loch*, *нора–die Höhle*, *шурф–der Schurf*, *царапина–der Kratzer*, *след–die Spur*). Локативные признаки являются центральными для их семантики (*das Eisloch* – «Loch in der Eisdecke» ‘прорубь – «отверстие, прорубленное в ледяном покрове»’; *желоб* – «длинная и узкая впадина в чем-н.») [2, с. 581]. Цель данного исследования заключается в выявлении значимости признаков, репрезентирующих димензиональность, для семантики рассматриваемых имен.